

А

Евгений Лебедев

Занимающийся рассвет

Ломоносов М. В. Стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Е. Н. Лебедева.

М.: Сов. Россия, 1984. Серия "Поэтическая Россия".

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги.

Н. В. Гоголь

Как только не называли Ломоносова современники и потомки!.. И "наш Пиндар", и "наш Цицерон", и "наш Виргилий", и "наш Леонардо", и "наш Декарт", и "наш Галилей", и "наш Лейбниц", и "наш Гёте", и "наш Франклин"... Одно слово - энциклопедист! Поневоле заплутаешь в мировом пантеоне, подыскивая ему компаньона по бессмертию.

В общем-то в этих и подобных этим определениях не так-то уж много чести Михаилу Васильевичу, ибо их "престижный" смысл, как ни поверни, преобладает над познавательным. Сам Ломоносов, как и положено гению, будто предчувствовал, что его не так поймут, вернее - не то извлекут для себя из его примера. Упреждая всяческую суету вокруг своего имени, он еще двести с лишним лет назад писал: "Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия (т. е. Декарта. - Е. Л.), Ньютона не почитайте. Если же вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы, а моя слава падает и с вашей".

Ломоносов - просто д_р_у_г_о_й. Ни на кого, кроме самого себя, не похожий. Чего бы стоил его энциклопедизм, если бы сам он не был у_н_и_к_а_л_ь_н_о_й_л_и_ч_н_о_с_т_ь_ю?

Вот почему среди всех доступных Ломоносову сфер культурной деятельности поэзия его занимает особое, исключительное место. Именно а ней наиболее полно отразилось головокружительное многообразие его творческих и чисто человеческих устремлений. И вот почему прав был К. С. Аксаков, когда в середине прошлого века писал: "Ломоносов был автор, лицо индивидуальное, первый, восставший как лицо из мира национальных песен, в общем национальном характере поглощавших индивидуума; он был освободившийся индивидуум в поэтическом мире, с него началась новая полная сфера поэзии, собственно так называемая литература" {Аксаков К. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846, с. 62.}.

А ведь в XVIII веке сохранить свое л_и_ц_о было куда как трудно... - и в поэзии, где требовалось прежде всего умение подражать непререкаемым образцам и соблюдать жесткие правила, предписанные теоретиками... и в жизни, где поэзия еще не заняла подобающего ей места, еще не была обласкана обществом...

Можно вспомнить печальной памяти историю отношений В. К. Третьяковского с кабинет-министром Анны Иоанновны Артемием Волынским: поэт пытается в своих стихах преподать нравственные и политические уроки "сильным мира сего" и именно через этот возвышенный характер своей общественно-государственной миссии сознает свое человеческое достоинство; а сановник, не желая выслушивать никаких советов, во всеоружии грубой, беспощадно-материальной силы, которую дал ему его сан, обрушивается на бесправного пиита, как только встречает с его стороны малейшее поползновение не уронить своего достоинства, - а проще говоря, трижды приказывает избить "наставника царей", "русского Ментора" и проч., и проч. за то, что. "наставник" всерьез потребовал от посланного к нему кадета обращаться с ним как с благородным человеком.

Можно вспомнить, как много позднее А. П. Сумароков пытался наставлять Екатерину II в искусстве управлять страной, а она через своих придворных отвечала ему: "Господин Сумароков - поэт и довольной связи в мыслях не имеет". В пушкинской статье "Путешествие из Москвы в Петербург" можно прочесть, как часто Сумарокова дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками" и как он страдал от этого.

А